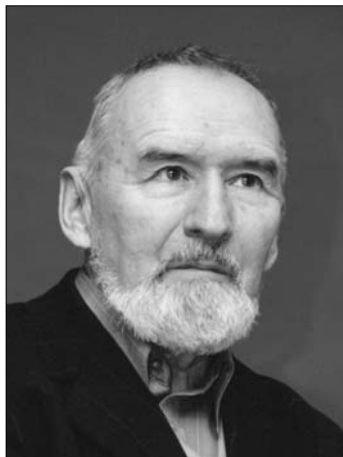


ЮРИЙ ЛЕОНОВ



ХУТОРЯНКА

РАССКАЗ

— Хочешь поехать в Таганрог? — спросил отец, свежеиспечённый руководитель Ново-Шахтинского молочного завода, у меня, студента, приехавшего к родителям на каникулы.

Что за неуместный вопрос! Хочу ли я поехать в город, где родился, выпитывал в себя первые впечатления от шумного южного порта мой любимый писатель Антон Павлович? Тёмно-вишнёвые тома его собрания сочинений ещё недавно строем стояли в Кирове у изголовья моей кровати... Мечтаю!

В Таганрог отправлялась полуторка со свежей продукцией. Там я вскоре и оказался, дотошным посетителем музея А. П. Чехова, временно расположенного в здании бывшей бакалейной лавки его отца: “Чай, кофе, другие колониальные товары...”

Но это потом. А пока предстояла долгая тряская дорога с разбитным, кудлатым водителем Тимофеем.

И был знаменитый Миус-фронт. На этой холмистой гряде, протянувшейся на запад от Ростова, в минувшую войну шли самые ожесточённые бои на южном участке фронта. И хоть с той кровавой поры минуло десять лет, в низинах, вдоль дороги то и дело встречались исковерканные остовы нашей и вражеской военной техники.

— Много тут наших полегло, — тоскливо отозвался на мои расспросы Тимоха.

ЛЕОНОВ Юрий Николаевич родился в Свердловске в 1932 году. Окончил Уральский государственный университет и Высшие сценарные курсы. С 1974 года по 1981 год работал в журнале “Наши современники”. Автор 10 книг прозы, в том числе “Люди как люди”, “Жёлуди для красной конницы”. Член Союза писателей России. Лауреат премии им. Андрея Платонова. Живёт в Москве и в Рязанской области.

И ни искристым солнечным бликам, ни садам, присевшим от тяжести урожая, не под силу было избавить меня от тягостного впечатления промчавшихся здесь бедствий. Душно и тряско было в кабине.

Дорога выровнялась. В знойном мареве неоглядно пластались отступающие к северу степи.

Сумерки подкрались незаметно.

— Скоро хутор будет, там и заночуем, — прищёлкнув языком, сообщил Тимоха. Я не придал значения этому знаку.

Хутор оказался не мал. Десятка два беленьких хат спускались с холма. А на холме громоздилось чужеродное кирпичное строение. Как выяснилось, клуб. К нему Тимоха и подрулил.

Не прошло и получаса, как в зале вокруг нас захороводили молодые хуторянки в пёстрых нарядах. “Не то какая-то спевка закончилась, не то репетиция”, — подумалось мне. Сверкали белозубые улыбки, позванивали мониста... А над всем этим девишником возвышалась грудастая мадонна в расшитой яркими цветами кофте и с грубо сработанным обручальным кольцом на левой руке. К ней подходили с шепотками.

Я был ошеломлён многолюдьем и озирался, ища взглядом Тимоху. А он как испарился. Заметив мою растерянность, мадонна отозвала меня в прихожую и познакомила с кареглазой девчонкой с затерявшейся родинкой меж лохматых бровей.

— Катя, — прошелестела она, сунув загорелую, мозолистую ладошку.

Припухлость губ, румянец щёк дышали свежестью. Но в мимолётности взгляда проскользнуло нечто, похожее на расчётливый вызов. Кольнуло и угасло, уступив место смирению.

— Ну идите, погуляйте, — бесцеремонно выпроводила нас наставница.

Луна уже приподнялась над россыпью хат. Всё вокруг оцепенело. Даже собаки не лаяли. Мы отправились по торной тропинке вокруг дома. Внятно пахло цветущей акацией. Но ещё ощутимее веяло от волос хуторянки дикой полуденной степью. Запах полыни трудно спутать с другим. Наносило емшаном, как звали когда-то эту траву степняки. Так и озаглавил своё стихотворение Аполлон Майков об отщепенце, которому помог вернуться в родные половецкие степи запах сухой полыни.

А на меня этот запах подействовал одуряюще, как чарка доброго вина натошак. И я заколобродил, залопотал не помню, о чём.

Хороша была Катюша. Я с трудом отводил взгляд от её облитого загаром стана в короткой юбочке, чтобы не смущать хуторянку. Лёгкая походка Кати порой переходила в задумчивый шаг. Мы шли рядом, но в то же время она жила своей неведомой жизнью. А я тараторил без остановки.

Лишь однажды догадался спросить, как жили они при немцах.

— В кукурузе ховались с сестрой. Она постарше меня была, да напоролась на мину... Кончилась война — ни одного мужика в хуторе не осталось. Всех прибрала.

Сказано было мимолётно, как о чём-то давно, безвозвратно ушедшем, и удивило меня на миг. Тут бы мне и продолжить эту тему. Да не решился ворошить прошлое девчонки. Так уж воспитан был на целомудренных диспутах о любви и дружбе. Как наставлял молодёжь известный в ту пору поэт Степан Щипачёв:

*Любовь не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне...*

Вот так же и у нас с Катей всё было, кроме скамейки. Приятное знакомство.

Шёл мне в ту пору звонкий двадцать первый годок. Пора стать мужчиной, но, как внушали дома и в школе, сначала положено закончить вуз, а до той поры держи себя в узде. Кем положено?.. Без ответа.

Вот и обратно пришли. Так и не успел я сказать Катюше, как нравится мне она. Мадонна уже ждала нас. Глянув на Катю, вопрошающе выгнула бровь. Девчонка грустно качнула головой из стороны в сторону. Ничем не могла она порадовать старшую.

И только тут пронзило меня озарение, что не простая прогулочка та была. Да слишком далёк я был от проблем затерянного в степи хуторочка.

Всю ночь проворочался на жёсткой, исцарапанной кошками скамье. А утром с усмешкой рассказал Тимохе о своих приключениях. Он не сразу поверил в такую нескладуху.

— Да ну?.. И где заночевал?

— Здесь же, в клубе.

— Ох ты!.. Вот уж не думал... Виноват.

Только когда мы выехали на трассу, Тимоха поведал, что он тоже всю ночь не сомкнул глаз. Подруга не давала уснуть.

По словам водителя, хуторянки встречают залётных не в первый раз. В клубе и договариваются, кто к кому идёт ночевать.

Всю дорогу до Таганрога преследовали меня видения, как повернулась бы моя судьба, если бы осмелился спросить у Кати о ночлеге. И вспомнить ли, какие при этом запоздалые, нежные слова рождались и умирали во мне под шум мотора?..

В Таганроге Тимоха притормозил возле обширного городского рынка. Там творилось нечто несусветное. Вдоль торговых рядов, а то и поперёк их грязно-розовой торпедой с визгом носился фантом. На потеху посторонним у двух подвыпивших мужичков вырвался стосковавшийся по свободе хряк. А суета и крики со всех сторон довели его прогулку до истерии. И началась кутерьма. Летели в пыль пропахшие морем барабульки вместе с переспелой вишней и отборными помидорами. Грохаясь о землю, взрывались спелые кавуны, и на их ошмётках скользили и падали с матом увлечённые погоней пострадавшие. Визг, ругань, хохот, вопли торговков... Незабываемым зрелищем, которое правдиво изобразить было под силу разве что Чехову, встретил меня долгожданный город.

Знать, кому-то там, наверху, захотелось поразвлечь здешний народ, отлучить хоть ненадолго от всяческих тягот.

А меня вдруг догнало и отрезвило горестное прозрение. Сколько же таких, подобных встреченным накануне одиночкам, не дождавшихся с фронтов своих суженых, раскидала война по всей земле. И скольких новорождённых, будущих мам и пап, не дождались стосковавшиеся по рабочим рукам необъятные просторы нашей Родины...